

18+

Наталья Зайцева

Там, за околицей

Наталья Зайцева
Там, за околицей

«Издательские решения»

Зайцева Н.

Там, за околицей / Н. Зайцева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-688310-9

Добро пожаловать в деревню Бережок, где на пять домов приходится целая вселенная смешных, нелепых и очень человеческих историй. Николай Краснощёков, он же Кол Палыч, всю жизнь прожил в Бережке, бок о бок с любимой женой. Но теперь он один. Его мир сузился до размеров избы, курятника и рыбалки. Всё изменилось, когда он по-соседски заглянул к Галине — такой же одинокой и уставшей от тишины женщине. Смогут ли два одиноких сердца стать единым целым?

ISBN 978-5-00-688310-9

© Зайцева Н.

© Издательские решения

Содержание

Оказия	6
Всеми своё время	7
Поход к окулисту	8
Курам на смех	10
Июнь – на рыбу плюнь	12
Знак свыше	13
За жизнь	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Там, за околицей

Наталья Зайцева

Редактор Евгения Шевцова

Иллюстрация обложки ИИ Кандинский

© Наталья Зайцева, 2025

ISBN 978-5-0068-8310-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оказия

Николай Павлович Краснощёков – высокий поджарый мужчина, чуть за шестьдесят. Про таких говорят: «Ни жопы, ни плеч – один вихлеч!» Деревенские его зовут почтительно и с намёком – Кол Палыч. Посчастливилось Николаю родиться и жить в деревне с красивым названием Бережок. Направо глянешь – река да сосновый бор, налево взгляд бросишь – лес сплошной стеной, а по центру – церквушка. Хорошо в деревне, как у Христа за пазухой! Вот только в непогоду без бродней не прогуляешься, Бережок превращается в столицу Японии «Тамаяма да Тутаканава», – так шутит Палыч – оптимист и приколист по жизни.

Николай доволен, что дотянул до пенсии и теперь сам себе хозяин. Только получил первую пенсию и сразу слинял с работы. А надоело! Государство сказало: «Отдыхать!» – Николай ответил: «Есть!»

Пенсия хоть и скромная, но на хлеб с копчёной колбаской хватало, а если вприкуску с кабачковой икрой – так вообще песня!

Да вот беда, Николай недавно овдовел. Супруга его была женщиной дородной, кровь с молоком, но вот росточком не вышла. Пойдут было вместе по деревне, словно Тарапунька со Штепселем на сцене: один смешит постоянно, а другая скромно хихикает, да подтрунивает, и диалог их слышен на всю округу.

Умерла быстро, даже попрощаться с мужем не успела. И сама, наверно, не поняла, что уходит. Дед тосковал по бабке. Особенно по её пирогам и щам. А рыбника ой как хотелось! Кол Палыч рыбак заядлый. Без рыбы и не живали. А теперь рыбу Барсику да курочкам скармливает. Николай, конечно, готовить умеет. А вот выпечку не смог освоить. Попытался один раз рыбник замутить, но что-то пошло не так. Тесто липло к рукам, мучки добавлял да добавлял так, что потом пришлось водичкой разбавлять. Ага. Видимо, без женских рук и колобок не испечёшь. Несъедобная получилась лепёшка. Хорошо, живность имеется – всё смелют, что хозяин да Барсик не доели.

И вот надумал Николай к соседке, вдовушке Галине, в гости сходить. Рубаху чистую надел, тройным одеколоном побрызгался. Для солидности очки на нос прицепил супружницы. Взял рыбки свежей да яиц, ну и на всякий случай самогоночки прихватил. Куда ж без неё. Ну, а чтоб не осрамиться в глазах деревни, к вдовушке через забор полез. Ни к чему, чтоб видели деревенские, ещё и года не прошло с бабкиной смерти. Благо штакетник невысокий, а как в известной песне про резной палисад.

И надо же было такому случиться – зацепился портками за гвоздь. Хорошо, что подштанники и самогон не пострадали. И яйца целы. Задумался дед: «Возвращаться – плохая примета. Ладно, бочком, бочком – не заметит Галка такой оказии». Поднялся к соседке на крыльцо, постучал пару раз тихонечко. Не откликается Галина. Выругался Палыч: «Глухомань старая!» Дверь открыл, в сенях темно. Руку вперед вытянул, на ощупь бы дойти до светлицы. Ёперный театр! Стук, бряк. Что-то уронил. Поскользнулся. И во весь свой рост на авоську с яйцами аккуратно приземлился. А бутылочка из кармана улетела в неизвестном направлении. Хорошо хоть рыба не пострадала, крепко её Палыч держал, одним словом, рыбак.

Свет зажегся. Выскочила с ухватом хозяйка, да так и застыла в позе памятника «Рабочий и колхозница».

– Здравствуй, Галина, – кряхтя и охая, поднялся сосед с четверенек, – примешь в гости? Я и рыбки для пирога принёс, ещё час назад плавала.

– Какой из тебя гость, Палыч, в таких-то портках? Завтра приходи на рыбник, – еле сдерживая смех, проговорила хозяйка.

Всему своё время

С той поры зачастил Палыч к соседке. И под предлогом, и без. Да и Галина вроде не против. А чего противиться? Мужчина в самом расцвете сил, как Карлсон. И кушает хорошо. Крепкий, здоровый, свободный. А Галя уж восемь лет как без мужа осталась, привыкла, конечно, одна. Дочери редко приезжают, далеко они замуж вышли. Старшая, Елена, за турка вышла, к нему на родину уехала, а младшенькая, Катерина, замужем за военным – теперь в Сибири живут. У чёрта на куличках.

Сделал Николай в заборе лаз: три штакетины отодвинул – и легко проходит на женскую территорию. А то, чай, не мальчик уже по заборам-то лазить. Шестидесят годков, не баран чихнул. Ага. Галине же этот лаз не подходил – у неё один аэродром, почитай, на два табурета тянет. Если только половину штакетника сносить. Поэтому пока только Николай в гости похаживал.

А уж Галина старалась. И пирогов напечет, и борщика наваристого со сметанкой приготовит. Нравился ей сосед. Из себя видный. Работающий, руки золотые, и по дому всё может сделать. Свой дом мужских рук требует. Рыбка опять же. В автолавке рыба не дешевле мяса. И главное, не жадный, с пустыми руками никогда не приходит – конфетками шоколадными балует Галину. Знает, жук хитрый, что сладкоezza Галочка, да и то правда – формы у женщины аппетитные. Глядя на нее, Палыч слюну сглатывает, но рук не распускает. Чинно всё у них. Самогончика принесёт. Нет-нет, они не злоупотребляют. Так, для аппетита плеснут по стопочке в обед да за ужином. Ну по две. Ну три, не больше. Как лекарство. Кровь быстрее забегает. Крепок самогон у Палыча. Не зря деревенские напитков прозвали «Спотыкач», спотыкаются мужички опосля такого напитка.

Вся деревня захаживает к Николаю в гости за живительной влагой. Да смешно сказать – вся деревня! В деревне и всего пять дворов, а мужиков и того меньше: Фёдор иностранец (так-то он Федька Поляков, но с лёгкой руки Палыча в деревне его кличут иностранцем), Мишка Дятлов, по кличке Дятел, да Иван – парализованный. Фёдора жена блюдет, не даёт ему расслабиться, украдкой он бегаёт к Палычу за добавкой, Михаил за рулём в основном, выпивает только в винно-банный день. Алевтина, жена Ивана, иногда заходит за самогончиком, не ради пьянки, а считает его лекарством от всех болезней. А Галина-соседка – компанию поддержать Николаю. Всех жителей деревни по пальцам одной руки перечислил. Раньше-то деревня большая была – колхозница, а теперь остались самые стойкие. Коренные жители Бережка стареют, а деревня пустеет.

Два уж месяца ходит молодой пенсионер к соседке, но скрывается от всех, не афишируют свои отношения. Да и какие отношения-то? Посидят, поговорят, молодость вспомнят, вот и все отношения. Давно ведь друг друга знают, всю жизнь рядышком живут. Вдвоём и телик веселее смотреть. Палыч всё прокомментирует, даже прогноз погоды. Так шутейно у него получается, и анекдот в тему расскажет не хуже Маменко. Может, и сойдутся, Галина не против. Пусть всё идёт своим чередом. Да и крепко она соседа теперь держит, пирогами да котлетами, как рыба наживку. Не сорвётся мужик.

Поход к окулисту

Николая Павловича стало подводить зрение. Вблизи видит хорошо, а далеко – всё как размыто. Вроде бы в жизни особо это и не мешает, но напрягает. Лица размыты, людей только по походке да одежке узнаёт. Щурится Палыч, щурится, всё бесполезно. В городе, в магазинах, ценников тоже не видит, цены приходится спрашивать, чем, в свою очередь, напрягает продавщиц. Подумал Николай, да и решился съездить в районную поликлинику к окулисту. Глаза-то надо беречь. В своё время вот зубы не берёт, теперь с протезами ходит. Ага. На всю деревню только два вида транспорта имеются: автобус рейсовый, который до райцентра раз в неделю ходит через их деревню, по пятницам, да «Нива» соседская – Мишка на ней каждый день до городу пересекает. Работает, бедолага, трактористом у частника, пять лет до пенсии ему ещё. Пахать не перепахать.

Да и Николай не барин, всяко можно. На автобусе толкучки нет, и довезут до больницы – тоже удобно. Мишку, конечно, тоже можно попросить, чтоб до места подбросил, да уж больно он нудить любит: всё ему не так, не эдак. Слушать бывает тошно. Тоже мне «Пуп Вселенной» – вечно недовольный. Решил Палыч не портить себе настроение, а дожидаться пятницы, и на рейсовом автобусе скататься в больницу. Доехал с комфортом, даже вздремнул чуток под убаюкивающее покачивание да приглушённые разговоры старушек на передних сиденьях. Порадовался: и выспался, и Мишкину нудистику не прослушал. Три удовольствия в одном флаконе! Да вот только радость Николая недолго длилась – испарилась сразу, как только переступил порог поликлиники.

Под ноги не привык смотреть, запнулся за ободранный у самого входа линолеум, чуть не распластался, как щука в лодке. Хорошо, равновесие удержал: «Рыбак, он и на суше рыбак!» – мелькнуло в голове. «Пришлось бы сейчас не к окулисту идти, а к травматологу. Вот бы коврик сюда – все дыры прикрыть», – с досадой подумал Кол Палыч. Взгляд скользнул по стенам: краска облупилась, сквозь неё проглядывала штукатурка. Видимо, ремонт ещё при царе Горохе был. Зато у входа на второй этаж икону повесили – видимо, уповают здесь больше на Бога, чем на медицину. К окошку регистратуры очередь немалая, словно последний рабочий день сегодня поликлиники. За стеклом регистраторша

бегала от компьютера к стеллажам с карточками, туда-обратно, как чума во время холеры. Вот очередь подошла Николая, да не дали ему шибко разглагольствовать. Барышня из-за стекла вместо приветствия фразу бросила, как обухом по голове:

– Запись только по звонку. Талонов на сегодня к доктору уже нет.

Психанул мужчина:

– Мне, чтоб до вас дозвониться, надо на крышу лезть и сидеть там, как Сыч в брачный период. Ждать: придёт связь или нет.

У Кол Палыча есть телефон кнопочный, сын Сашка купил. Там только номер сына да внука и записан. Созваниваются иногда. А кому ещё звонить? В деревне до соседей легче дойти, чем связь словить.

Николай настырный, не отступился.

– Буду у дверей сидеть, не уйду. Зря что ли, из деревни ехал?

Короче, прорвался на приём Николай Павлович к врачихе. Смотрит, а она сама сидит в очках. Что за специалист по зрению, себя вылечить не может.

Из-под очков глянула докторша устало на Николая и говорит:

– Зачем Вам очки? Зрение уже не исправится, это возрастные изменения. Или имидж хотите изменить?

Николай от изумления даже рот открыл:

– В деревне, конечно, без имиджу куры засмеют.

Врачиха лишь бегло глянула на пенсионера поверх очков, словно услышала очередную глупость, и устало поплыла к плакату, как лодка против течения.

Буковки Николай повспоминал, и одним и другим глазом. Глазное давление проверили. Диагноз утешительный «очколог» поставила: «жить можно». Но выписала всё-таки докторша рецепт на очки и капли глазные, но так нехотя, как будто от себя отрывала. День потерял, а пяти минут в кабинете не пробыл. Да и то правда, чего со стариками вошкаться.

Оно и понятно, столько народу за день через неё проходит, устала женщина. Тоже, наверно, спит и пенсию видит.

Не был Палыч в больнице сто лет, ещё бы столько не бывать.

Курам на смех

Кол Палыч проснулся ни свет, ни заря. Вроде и вставать рано, а чего валяться-то? Всему виной кот, зараза. Разбудил своим мявканьем: «Дааай, ну дааай пожрать!». Вот жизнь у котяры. Ест, спит да гуляет. Выдал Барсику рыбки – надо и цыпочек накормить. Поди уж заждались ранние пташки.

Наладил дед мешанки, пошел в курятник. Да вот балда. Не голова, а решето. Забыл калитку прикрыть. Курицы-то набросились на еду. А Петюнька, будто только и ждал этой минуты. Ринулся чуть ли не бегом на свободу, даром и харчи. Дед за ним. Уж и звал его, и зерно подсыпал: «Цыпа, цыпа». Хрен, а не цыпа. Убежал ведь. Да еще и курица одна с ним слиняла. Правда, быстро вернулась в курятник. Умишко-то, какой-никакой, видимо, есть. Шведский стол на свободные харчи не стала менять. А петуха всей деревней ловили. Ага. Да и в деревне всего пять домов жилых – то еще приключение. Соседи, как китайская стена, встали, только Петька в такие бега ударился, как будто нормы на значок ГТО сдавал. Весь день проваландались, так и не смогли поймать Петруху. Аферист, а не петух, экую аферу провернул.

Расстроился дед, жалко живность. Чего уж говорить, сам и виноват, разиня. Хряпнул Николай самогоночки с горя да на печь забрался. «Была бы жена жива, всю бы плешь мне проела за такую бестолковость», – мелькнуло в голове. Так в печальных раздумьях не заметил, как и уснул. Крепко проспал до самого рассвета. Вот что значит целый день провошкался без толку. Утром вышел Палыч во двор, а петух, как ни в чем не бывало, на поленнице сидит, как на шесте. И молчит, гад. Дед его давай зазывать да прикармливать. Ну не идет золотой голос деревни к курочкам. Решил дедок хитростью действовать: зерна накидал перед Петюнькой, а сам сзади подкрался. И ведь схватил гуляку! Ёлы-палы! Хвост в руках, а птица сбежала. Рассердился Николай: «Лучше не показывайся мне больше на глаза».

Накормил куриц и пошел к соседке боль свою излить. Только через лаз в заборе перелез, слышит голос соседа Фёдора:

– Палыч, я петуха твоего поймал. Открывай курятник!

Николай обратно к себе в загороду. И правда, в руках у Фёдора его Петька:

– Как ты и умудрился изловить этого ходока?

– Да Жулька, умница моя, под крыльцо петуха твоего загнала. Шустрый он у тебя, как партизан. Без боя не хотел сдаваться, сопротивлялся. Но и я не лыком шит, не такие крепости брал. Хвоста-то нет, а за гребень не удержать. Ещё и клюётся, гад. Я его доской в угол заблокировал, чтоб не сбежал. Перчатки надел, изловчился и поймал твоего певуна.

– В чёрный список афериста этого надо. Заблокировать, чтоб не повадно было. Курам на смех теперь ты, тварь бесхвостая.

Калитка за петухом захлопнулась.

– Кол Палыч, угости самогончиком, – высказал свое желание Федор.

– Чего ж не угостить, угощу. Заходи.

Дед быстро сообразил на стол закусь и выпивку. Простая еда источала ароматы, от которой у Фёдора аж заурчало в животе, будто его дома давно не кормили, и торопливо уселся за стол. Пахло укропчиком и чесноком от свежепросольных огурчиков, словно на столе стояла тарелка с копчёной колбасой. А печеная картошка только что из печи и пахла дымком. Фёдор сглотнул набежавшую слюну. На халяву-то, как говорится, и уксус сладок!

Фёдор раз десять повторял, как изловил петуха, каждый раз приписывая новые подробности. Так и уговорили бутылочку. Уговорили бы, может, и ещё, да за Фёдором пришла жена, увела домой. В доме воцарилась знакомая, гнетущая тишина. Снова Палыч остался один. Он лениво собрал со стола пустые тарелки и, тяжело вздохнув, погасил свет. В темноте было ещё слышно, как за стеной в курятнике беспокойно перекликались куры. Только Барсик и терся

об ноги хозяина, прося вискаса. «Вот и весь праздник, – с горькой иронией подумал Николай. – День коту под хвост».

Июнь – на рыбу плюнь

Ранним утром Кол Палыч снарядился на рыбалку. Погодка безветренная, тишь, гладь, да Божья благодать. «Рыбёшка, должно быть, сгруппировалась в тиши, спит с открытыми глазами, а я тут как тут с жирными червяками на завтрак», – усмехнулся Николай. Решил и новые блесны опробовать в деле. Сашка, сын, приезжал проводить, привёз новомодных рыбацких штучек. Взял спиннинг, пакет под рыбу прихватил, и пошел на речку. Ещё и Барсик за ним увязался, бежит да каучит, будто говорит: «Рыбки хоочется, мяу!» Так и дошли на пару до реки. Хозяин в лодку садится, и Барсик к нему. «Ты что, с жизнью хочешь расстаться? Тебя ещё потом ловить. Сиди, жди на берегу!» Кот понятливый у Палыча, лет уж десять с ним живёт, понимают друг друга с полуслова.

Довеслался Николай до середины реки, груз бросил, чтоб лодку не сносило. Спиннинг закинул вдоль ситок, тянет на себя блесну, тянет и природой любитесь. Красота-то какая неспешная. И даже речка в этот ясный день будто замерла, лениво мерцающая на солнце ослепительными бликами, отражая как в зеркале, пушистые молочные облака. У самой кромки воды колышется от малейшего лёгкого ветерка стена высокой травы. Из зарослей доносится непрекращающееся сухое стрекотание кузнечиков. А воздух наполнен ароматом шиповника, густо растущего по всему склону реки. И вдруг – хват! Крупняк, однако, на блесну попался, тяжело идёт. Потихоньку подтягивает к лодке добычу. Врёшь, не уйдёшь! А вот и рыло показалось. Щука! Килограмма на три. Да не. Четыре, а то и пять. Вон глазищи-то закатили, по пятаку будут. Николай подтаскивает удачу к лодке, а она брыкается, сопротивляется, как в известной сказке про репку. Николай тянет, потянет, вытащить не может. Из помощников один кот, и тот на берегу остался. Подтянул всё-таки рыбину к лодке, ухватил за плавник, да скользкая, зараза. Извивается, хвостом лупит, фонтан воды поднимает, не даётся. Кто победит? Ухватил рыбак щуку двумя руками, только бы вытащить, а она, падла, как тяпнет за палец со всей-то шали. Охнуть дед не успел, сорвалась щука, да ещё и блесну приватизировала. Эх! Уплыли рыбные котлеты вместе с украшением.

И блесны запасной не взял Николай, вот ведь растяпа. Ладно, есть ещё инструмент, который никогда не подводит, – удочка с червяками, но как не закидывал дед удочку, не видал больше поклёвки. Вот и по небу уже загуляли серые тучи, а налетевший ветер играючи волновал водную гладь. Пора, однако, домой. Не зря говорят, что июнь – на рыбу плюнь!

Причалил Палыч к берегу, Барсик его уж поджидает. Сидит – морда довольная!

– Ну чего, Барсик! Улыбчивый мой! Ты сегодня удачливее меня.

Кот всем своим видом показывал, какой он смыслённый охотник. Улов и правда был неплохой: несколько мышек, разных по размеру и статусу, лягушки, а сверху весь этот натюр-морт украшала бабочка.

– Герой! Хвост трубой! Бабочку-то зачем заломал? Для красоты?

Кот виновато помалкивал.

– Барс, а ты видел, какую я чуть щуку не вытащил? Килограммов пять точно весу. Одни глаза по блюдцу. Весь день тебе под хвост. Забодай меня, комар!

Котьяра вприпрыжку бежал домой впереди деда, иногда оглядываясь, не отстал ли.

«Надо было меня в лодку с собой брать. Уж я-то бы не прощел такую удачу», – будто бы думал Барсик, потихоньку уркая на рыбачка растяпу.

Знак свыше

Сегодня исполнился год, как умерла супруга Николая. Надо сходить на погост, проведать и помянуть жену. Сына Сашку ждал, тот обещался приехать, да что-то не срослось у него. Работы много, начальство не отпускает. Позвонил: чуть позже приедет с женой Валентиной и внуком Ванюшкой. Это хорошо, может, и погостят недельку. У Сашки машина своя, в город без проблем сгоняют – памятник прикупить и на могилке установить. И порыбачить с внуком, ущицу на речке сварить в удовольствие. Зоюшка души во внуке не чаяла, один внук-то. Всё внучку ещё хотела, да, видно, не судьба. Ужалась Валюха, карьера на первом месте, в замах сидит, поди на место начальства метит.

Редко и Николай ходит на могилку к хозяйке, не любит это дело. Придёт, поговорит, да только расстроится. Вся жизнь проносится перед глазами. А как не проведать? Ждёт, поди. Столько лет вместе прожили. Всяко, конечно, бывало. И трудности, и ругань. Иногда убить жену хотелось, но разбежаться – никогда. Зоя-то горячая была, чуть что за скалку хваталась. Да Николай знал, как жену успокоить. Прикипели друг к дружке и в горе, и в радости. Сына на ноги поставили. Да чего там говорить: и внук уж подрастает. Ездят только в деревню редко, некогда им. Городские стали. Ну, хоть звонят иногда. Проверяют, жив ли дедко. Кол Палыч усмехнулся: «Не дождётесь! Я теперь в надёжных руках молодой соседки. Молодой – не молодой, а на три года моложе меня».

С такими мыслями, не спеша, добрался Николай до места. Присел на скамеечку, на столик угощение положил: конфетки, печенье, крупки посыпал. Крест поправил, фото жены погладил. Сердце защемило от тоски и гнетущего спокойствия. На погосте царил звенящая тишина, которую нарушал лишь ветер, безнадежно запутавшись в густой листве берез, да отдалённое карканье одинокой вороны. Опять нахлынули воспоминания. Давно ли были молодые, а вот и жизнь пролетела. Оставила его жёнушка одного, быстро ушла, слова сказать не успела. Может и хорошо, такая смерть, сама не поняла, поди. Да рановато только, ещё бы жить и жить. Ага. И на здоровье ведь не жаловалась никогда, пышечка моя. Всё бегом, бегом. А куда торопилась? Жизнь как мыльный пузырь – в один момент лопнуть может.

Призадумался Николай, но решил жене сказать всё как есть: «Я, Зоюшка, к соседке нашей Галине навещаюсь. Хозяйка она хорошая, характером опять же добрая, весёлая, да ты и сама знаешь, всегда мы с ней дружно жили. Не ругай меня, одному-то не с руки мне, одиноко. Может и сойдёмся, Галина вроде не против, привечает меня. Не спрашивал я, конечно, ещё её, не было удобного случая. Ты-то как, Зоя, на это дело смотришь? Подай хоть знак какой», – голос его внезапно дрогнул, и он смахнул непрошеную влагу с лица тыльной стороной ладони. – Скажи своё слово». Но тихо на кладбище, спокойно. «Эх, Зоя, Зоя. Молчишь. Осуждаешь?» И тут почувствовал Палыч, как что-то тёплое шмякнулось ему на рубаху. Едришкин пистолет, да это ворон оставил свой запашистый след на его одежде.

Дед рассмеялся: «Понял я, понял, жёнушка. Благословляешь меня, значит. Ага. Ну и добро!» Посидел ещё дед немного, попрощался с супругой, да и домой пошёл не спеша, в приподнятом настроении.

А рубаха не страшно – отстирается.

За жизнь

Светало. Кол Палыч плохо спал этой ночью, ныли суставы. «Перед дождём», – подумал он, слезая с печки. Барсик нехотя поднял голову. Зевая, как бы говоря: «Куда подорвался в такую рань?» Но резво соскочил вслед за хозяином, боясь пропустить утренний ритуал: «Вискас в миску, да побольше!» Николай выдал котюньке завтрак, накинул телогрейку и вышел во двор. Поёжился. Зябко и влажно. Пахло прелой травой и пылью, а сам воздух казался свинцовым и вязким. Гнетущая предрассветная тишина замерла в предгрозовом ожидании. Не слышно пения птиц, и даже петух Палыча не смел нарушить это звенящее молчание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.